графа Панина, сочиненного генералом графом Паниным, о чем между ими разсуждалось иметь полезным для Российской империи фундаментальные права, непременяемые на все времена никакой властию» (см. Прилож. Шум. С. 13—20). Анализ этого документа привел Пигарева к следующему выводу: «Характерно, что взгляд Паниных на Екатерину как на узурпатора власти, которая должна бы принадлежать Павлу, заставляет их относить к первоочередным и важнейшим „фундаментальным“ законам установление единого права престолонаследия, с предпочтением „мужской персоны и колена пред женской“, и узаконение возраста вступления на престол и опеки над несовершеннолетним монархом. Прогрессивны по своему смыслу пункты, касающиеся контроля над расходованием государственных средств монархом (Панины предлагали выделить из государственного бюджета определенную сумму на содержание членов царствующего дома) и введения гласности судопроизводства для людей всякого звания» (с. 138). Пигарев справедливо замечает, что, судя по документу, «об упразднении крепостного права Панины не думали» (там же). «Что касается „формы правления“, — указывает исследователь, — то для наблюдения за незыблемостью „фундаментальных законов“ Панины предлагали учредить „главное государственное присутственное место“ <. . .>. Это главное присутственное место должно было подчиняться Министерскому совету» (с. 139). Убедительно суждение Пигарева «о дворянско-сословном характере» составленного П. Паниным «Манифеста будущего императора, возвещающего о введении в России „фундаментальных законов“» (там же).

Из всего комплекса документов исследователь выделяет, как мы сказали выше, «Рассуждение о непременных государственных законах». Назвав его «выдающимся памятником русской политической публицистики XVIII в.» (с. 147), Пигарев особое внимание уделяет проблеме его атрибуции. Для него несомненно, что *написано* произведение Фонвизиным. Аргументы здесь таковы: «То, что оно именно написано им (Фонвизиным. — *Г. Л.*), а не *записано* (курсив мой. — *Г. Л.*) под диктовку Н. Панина, подтверждается самим П. Паниным. По его словам, диктовка утомляла Н. Панина, тогда уже больного (он умер 31 марта 1783 г.), и „Рассуждение“ написано Фонвизиным по его указаниям — „из преподаваемых словесно только покойным назнаменований“. В этом убеждает и сравнение данного произведения с документами, принадлежащими перу Н. Панина. Так писать Панин не мог. Но это не значит, что в „Рассуждении“ нельзя найти следов сделанных им словесных „назнаменований“. Однако Фонвизин сумел облечь мысли Панина в яркую литературную форму, благодаря которой это „введение“ к ненаписанному проекту государственных преобразований, достаточно умеренных по своему содержанию, приобретает вполне самостоятельное значение — значение страстного памфлета на екатерининскую империю» (с. 139—140). Понятно особое внимание, уделяемое Пигаревым